

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейне	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-бухариной историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футурологии	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дюбер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзельг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Александр Иванович Молок

ИЗ НЕПЕЗДАННЫХ ДОКУМЕНТОВ ИЮньСКОГО ВОССТАНИЯ ПАРИЖСКИХ РАБОЧИХ

Среди пожелтевших от времени документов периода революции 1848 г., хранящихся в картонах парижского Национального Архива и в других французских архивах, имеется немало таких, которые еще ждут своего изучения и издания. Не все эти документы представляют одинаковый научный интерес, многие касаются частных вопросов, освещают только некоторые детали хорошо известных событий. Но даже такие документы волнуют, не могут не волновать историка: ведь все они, в большей или меньшей степени, отражают напряженный пульс классовой борьбы той эпохи, дают яркое представление о бурной исторической драме, которая разыгралась в те дни на улицах Парижа и вошла в историю как первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией.

Приводимые ниже документы освещают в основном две проблемы: во-первых, причины и предпосылки июньского восстания, во-вторых, оценку характера этого восстания и его последствий современниками. Документы по истории самого восстания, имющиеся в нашем распоряжении, столь многочисленны, что лишь в очень небольшой степени могут быть использованы в рамках одной, притом по необходимости краткой, статьи. К тому же наиболее интересные из документов этого рода уже были опубликованы нами в ранее изданных работах (в частности, в статье «Некоторые вопросы истории июньского восстания 1848 г. в Париже»¹).

* * *

Яркое представление о том, как распоясалась буржуазная реакция после неудачной народной демонстрации 15 мая 1848 г., дают два неизвестных письма молодого революционера Шаллье (Challier), найденные при обыске в доме его отца в провинциальном городке Тури. Шаллье был не только очевидцем, но и участником событий, которые он описывает. Уже поэтому его рассказ представляет значительный интерес.

Шаллье подчеркивает, что демонстрация носила мирный характер, что ее участники не были вооружены и что дело дошло до конфликта по вине Национального собрания, которое отказалось выслушать делегатов от народа. «Меня возмущает,— пишет Шаллье,— когда я слышу, что Национальное собрание вынуждено было уступить грубой силе, тогда как, напротив, именно оно было вооружено с головы до ног». В том же письме Шаллье сообщает некоторые подробности о поведении реакционных батальонов нацисальной гвардии в день 15 мая — о вторжении нескольких тысяч вооруженных людей в помещение редакции революци-

¹ «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 71—97.

онной газеты «Парижская Коммуна», о бегстве сотрудников газеты по крышам, об обыске, произведенном офицерами в доме, где находилась редакция. «Дом Кабе,— сообщает далее Шаллье,— был занят таким же образом, и все это именем свободы». Рисуя обстановку, сложившуюся в Париже на другой день после демонстрации 15 мая, автор письма указывает, что установился «порядок» вроде того, какой воцарился в Варшаве после подавления польского восстания 1830—1831 гг. (*c'était l'ordre de Warsovie*). «Я видел,— пишет он,— как избивали человека за то, что он сказал, что закрытие клубов было бы покушением на свободу, завоеванную 24 февраля».

О напряженной, предгрозовой атмосфере, создавшейся в это время в Париже, свидетельствует и другое письмо Шаллье, датированное 30 мая. В этом письме рассказывается о брожении среди рабочих национальных мастерских, связанном со смещением их директора Эмиля Тома. Однако Шаллье правильно отмечает, что причиной брожения была не отставка Тома, «законченного буржуа» (*bourgeois très prononcé*), а нечто другое (добавим за него: меры правительства, направленные против национальных мастерских, подготовка к их роспуску). «Вы призываете меня,— негодуяще заявляет Шаллье,— уважать порядок, т. е. дурные законы, злоупотребления и привилегии, порядок господ Барро, Тьера, Александра Дюма, гнусной породы людей, которые хотят, чтобы всегда имелось два класса — класс пресыщенных и класс умирающих от голода. Нет, такой порядок я не буду уважать, если только меня не принудят к этому, потому что порядок, которого хотят эти люди, это тот самый, который был уничтожен 24 февраля»¹.

Разбираемый документ хорошо рисует гнев и возмущение, охватившие не только рабочих, но и передовую часть мелкобуржуазной интеллигенции в эти дни открытого наступления сил контрреволюции на демократические свободы, завоеванные французским народом в результате февральской революции. Остается добавить, что автор этих писем, преданный, как он сам пишет, «порядку, основанному на культе справедливости, человечности и братства», подвергся преследованиям, был привлечен к суду.

Интересный документ, хранящийся в Исторической библиотеке города Парижа (в коллекции Лиезвилля), свидетельствует о том, какую сильную тревогу вызывали в демократических слоях провокационные действия правящих кругов. Документ этот — письмо некоего Басса (*Basse*) к редактору газеты «*Père Duchêne*» Кольфаврю (*Co'favru*) от 3 июня 1848 г.² Редакция этой газеты принимала деятельное участие в организации массового «народного банкета», намечавшегося на 11 июня (позже он был перенесен на 14 июля). Этот так и не состоявшийся банкет должен был, по замыслу его инициаторов, стать праздником братания трудящихся и одновременно смотрам и попыткой объединения сил парижской демократии для отпора контрреволюции. Контрреволюционная пресса распространяла лживые, провокационные слухи, что банкет задуман с целью революционного переворота.

Именно этот вопрос и поднимает в своем письме Басс. Отмечая, что «день 15 мая, злополучный день, нанес почти смертельный удар демократии», Басс настойчиво убеждает Кольфаврю, которого он называет своим другом, отказаться от устройства банкета, чтобы не дать врагам

¹ Archives nationales. C 935. Commission d'enquête 3076. Pièces saisies au domicile de Challier père à Toury.

² Bibliothèque historique de la ville de Paris Collection Liesville. Révolution de 1848.

рабочего класса возможности спровоцировать его на восстание, разгромить демократическое движение и надолго отсрочить «прогресс социализма». «Я знаю, конечно,—добавляет автор письма,— что у вас самые мирные намерения, они, несомненно, заслуживают всяческой похвалы, они чисты, как самое яркое солнце, но я спрашиваю вас еще раз, подумали ли вы о последствиях такой сходки?» «Рабочие, разумеется, не дадут завлечь себя в ловушку; но тем не менее у меня горькое предчувствие,— я должен сказать вам об этом,— что этим банкетом вы готовите нам ужасную Варфоломеевскую ночь. Разве история не дает нам примеров подобных злодеяний?.. Вас расстреляют без всяких мотивов, вам устроят дикую бойню... Таковы будут последствия банкета, подумайте об этом, закликаю вас в качестве друга, не будем же рисковать, наша партия сильна, не дадим погубить ее одним неосторожным шагом... Умеренные рассчитывают на это. Надо с этим покончить, говорят они... Утверждают даже... что военному министру уже отданы приказания, что уже выработаны меры, чтобы мобили были размещены между буржуазной национальной гвардией и линейными войсками; если они откажутся стрелять в своих братьев, они сами очутятся между двух огней».

Раскрывая замыслы контрреволюции, Басс указывает, что она мечтает о том, чтобы перестрелять 100—150 тыс. рабочих, перебить пленных, задушить стремление трудящихся добиться установления демократической и социальной республики. «Чтобы совершить подобные злодеяния,— подчеркивает Басс,— необязательно быть людьми типа Суллы, в настоящее время для этого достаточно быть буржуа (*il suffit par le temps qui court d'être bourgeois*)...»

Свое письмо Басс заканчивает уверением, что он боится не за себя, что он готов умереть хоть сейчас, лишь бы восторжествовали принципы, за которые он борется. Если нельзя, заявляет он, совершенно отменить банкет, то следует хотя бы разделить его на четыре отдельных банкета. «В этом случае мы не будем перебиты все сразу, и останется достаточно людей, чтобы когда-нибудь отомстить за нас». Постскрипум к письму показывает, что Басс, вопреки тому, что он писал о напряженности политической обстановки, еще продолжал верить в возможность мирного преобразования буржуазного общества. Постскрипум гласил: «Не нужно больше революций, пресса и всеобщее голосование приведут нас к демократии».

Так рассуждали в этот момент — накануне решающей схватки между пролетариатом и буржуазией — не только мелкобуржуазные демократы, но и многие рабочие, находившиеся в плену реформистских иллюзий, которые насаждали и поддерживали социалисты-утописты¹. В этом сказывалась незрелость основной массы французского рабочего класса того времени, объясняющаяся незавершенностью промышленного переворота.

Бойню, которую предвидели Басс и другие прогрессивно настроенные современники, разразилась в конце июня, хотя и не в связи с «народным банкетом», а в связи с походом против национальных мастерских.

Ряд неизданных документов, относящихся к июню 1848 г., наглядно показывает, как в связи с ростом революционных настроений в массах усиливалась тревога в правящих кругах. Весьма характерна в этом отношении переписка генерала Негрие, на которого была возложена охрана Бурбонского дворца, где заседало Учредительное собрание. 3 июня в

¹ См. опубликованное мною письмо рабочего национальных мастерских Мартена от 30 мая 1848 г. к членам Исполнительной комиссии («Вопросы истории» 1952, № 12, стр. 77—78).

письме к командующему войсками парижского гарнизона, генералу Фуше Негрие отмечал, что один из батальонов 23-го кавалерийского полка, несущий охрану этого здания, сильно отстает от двух других батальонов как в смысле выправки, так и в отношении дисциплины. «Я нахожу, — писал Негрие, — что командир этого батальона заслуживает живейшего порицания за свое небрежное поведение, за полное отсутствие инициативы и бдительности, проявленные им при исполнении служебных обязанностей». Жаловался Негрие и на других офицеров этого батальона, на то, что они почти никогда не бывают на своем посту, что они представляют своих подчиненных самим себе. В заключение Негрие просил Фуше принять меры к прекращению подобных явлений и подчеркивал, что он заинтересован в этом не только как генерал, но и как депутат и как квестор Собрания, уполномоченный наблюдать за войсками, несущими службу у здания Бурбонского дворца¹.

В другом письме к тому же Фуше, от 10 июня, Негрие просит его предложить начальнику артиллерии парижского округа перевезти из Венсеннского замка в здание Учредительного собрания 300 гранат. 12 июня Негрие просит Фуше выслать ему два горных орудия с 80—100 снарядами картечи и штук тридцать ядер калибром в 12 сантиметров.

Интересно письмо, адресованное Негрие генералу Дамему, командовавшему в тот момент мобильной гвардией. В этом письме подчеркивается, какое большое значение имеет охрана здания Бурбонского дворца. Если батальон мобильной гвардии, несущий, вместе с другими воинскими частями, службу у этого здания, не в состоянии из-за своей малочисленности выделять ежедневно по 400 человек для этого дела, пишет Негрие, он вынужден будет информировать об этом председателя Собрания с тем, чтобы тот принял новые меры для охраны здания. Отвечая префекту полиции на его письмо от 17 июня, в котором сообщалось о «беспорядках», имевших место возле Бурбонского дворца, Негрие уведомлял префекта, что им отдан приказ об организации тщательного наблюдения в ночное время на подступах ко дворцу. «В будущем, — пишет Негрие, — частые патрули, руководимые агентами полиции, будут непрерывно циркулировать вокруг дворца, чтобы не допустить происшествий, отмеченных в вашей депеше»².

Характерно неизданное письмо префекта полиции членам Исполнительной комиссии от 21 июня. Из этого документа мы узнаем, какие меры принимали власти для охраны здания префектуры «на случай атаки» (*contre une attaque*). Префект сообщал, что у этого здания установлено 13 караульных постов, и что все воинские части, охраняющие дворец, объединены под единым военным командованием. «Вы знаете, граждане, — подчеркивал префект, — что в планы анархистов попрежнему входит нападение на префектуру; лишь наличие больших сил привело к тому, что эти планы были отсрочены; может быть, от них откажутся, но они полностью еще не оставлены»³.

Префект был прав: захват префектуры полиции, наряду с захватом Ратуши, Бурбонского дворца и некоторых других правительственных зданий в центре Парижа, являлся составной частью военного плана июнь-

¹ Archives nationales. C 935. Commission d'enquête. 2812. G-al Négrier. Assemblée nationale. 1 e 3 juin 1848.

² «...A l'avenir de fréquentes patrouilles conduites par des agents de la police circuleront constamment autour du palais pour empêcher que des faits signalés par votre dépêche ne puissent se renouveler».

³ Archives nationales. C 1934. Commission d'enquête. 2402. Cabinet du Préfet de Police. Paris, le 21 juin 1848.

ских повстанцев, автором которого был выдающийся революционер капитан Керсози — «первый баррикадный полководец», как назвал его Энгельс¹.

Еще один документ, освещающий обстановку в Париже накануне восстания, — это неизданное полицейское донесение от 19 июня². Автор донесения, некий Карле, с тревогой сообщает о том, что сходки на площади Ратуши продолжают, такие же шумные, как и в предыдущие дни, и добавляет, что население этого квартала возмущается бездействием властей. По мнению Карле, нет ничего проще, как покончить с этими демонстрациями: для этого достаточно окружить толпу одной или двумя ротами солдат, дав им в придачу 250—300 полицейских. Попутно этот полицейский агент отмечает факт большой важности, свидетельствующий о том, что летом 1848 г. в развитии экономического кризиса, развязавшего февральскую революцию, наметился перелом в сторону его ослабления. Карле сообщает, что, по имеющимся у него сведениям, в Париже получено большое количество заказов на промышленные изделия для экспорта, что этих заказов хватало бы на три месяца, но осуществить их невозможно, так как рабочие не хотят работать. Последнее утверждение надо понимать в том смысле, что частные предприниматели, добиваясь ликвидации национальных мастерских, существование которых несколько ограничивало эксплуатацию трудящихся, стремились сохранить нищенский уровень заработной платы, против чего и боролись рабочие.

«Склады пусты», — добавлял Карле в своем донесении.

Здесь не место детально разбирать этот вопрос, но показание Карле во всяком случае заслуживает внимания и должно учитываться наряду с прочими при решении данной проблемы.

Нищета трудящихся масс, как основная причина июньского восстания, отчетливо выступает в показаниях очевидцев. Весьма характерна в этом отношении записка архитектора и преподавателя Центральной школы Тюмелу (Thumeloup) от 6 июля 1848 г., озаглавленная: «О восстании и средствах против него»³.

Автор этого документа, ссылаясь на свои впечатления, на то, что он видел и слышал в дни, предшествовавшие восстанию, на площади Бастилии, где каждый вечер собирались толпы народа, указывает, что больше всего участники этих сходок говорили «о нищете рабочих Сент-Антуанского предместья (de la misère des ouvriers du faubourg Saint-Antoine)» и о необходимости «вооруженной борьбы для разгона Собрания (d'une lutte armée pour renverser l'Assemblée)». «Надо положить конец нашей крайней нищете», — говорили рабочие. Многие из них заявляли, что они едят не каждый день, что они обременены большими семьями; они в самом мрачном виде изображали внутреннюю обстановку своих жилищ. «Это было жутко и невероятно», — замечает Тюмелу.

В этом же документе приводятся интересные данные о политических настроениях рабочей массы. Тюмелу излагает речь одного рабочего, услышанную им в толпе. «Ошибкой народа было, — говорил этот рабочий, — то, что в феврале... он не избрал своих депутатов на самих баррикадах; именно там следовало их избрать, ибо там мы видим их за работой. Надо покончить с аристократами. Ламартин — беляк и аристократ. Почему Альбер и Барбес находятся в Венсенне?.. Всякая конституция, состав-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 210.

² Archives nationales. BB³⁰ 315, liasse 2, pièce 997, Rapport du matin, Paris, 19 juin, 1848.

³ Archives nationales. C 935. VIII. Dossier. Commission d'enquête. 3276. Thumeloup De l'insurrection et de ses remèdes. 6 juillet 1848.

ленная без их участия, будет негодной». Резкие упреки высказывали рабочие по адресу Учредительного собрания и Исполнительной комиссии; они обвиняли депутатов и членов правительства в том, что они «живут как принцы в королевских дворцах» и ничего не делают для улучшения тяжелой участи трудящихся. Некоторые рабочие выражали надежду, что их положение улучшится, если президентом республики будет избран Луи-Наполеон. Впрочем, как признает сам Тюмелу, среди участников сходки было мало истинных сторонников Луи-Наполеона. Большинство рабочих рассуждало иначе: надо, говорили они, разогнать Учредительное собрание, распустить Исполнительную комиссию и назначить рабочих, способных управлять страной (*chercher et nommer des ouvriers capables pour nous gouverner*). Заявляя о своей решимости взяться за оружие, участники сходки выражали уверенность в том, что их ждет победа. «Все эти люди, — рассказывает Тюмелу, — открыто говорили, что у них есть ружья и снаряды, что они достаточно сильны, что буржуазная гвардия не будет драться, так как она трусит, что армии это надоело и она помнит о февралю». «Женщины, гораздо более резкие, чем мужчины, уверяли, что мобильная гвардия всегда будет на стороне рабочих, что на этот раз ничего нельзя будет сделать без женщин, ибо они устали страдать и подвергаться эксплуатации»¹.

«Жестокая и глубокая нищета всех слоев общества, особенно страшная среди рабочих», — такова, по мнению Тюмелу, главная причина июньского восстания. Большую роль сыграли, по его словам, и социалистические учения. К числу причин восстания Тюмелу относит и такие обстоятельства, как захват оружия людьми, принадлежащими к низшим слоям общества, военизированная организация национальных мастерских, ошибки правящих кругов и т. п. Но решающее значение автор записки придает нищете народных масс. Если рабочие не получают работы в ближайшее время, заявляет Тюмелу, «гражданская и социальная война возобновится, еще более страшная, потому что голод и нищета толкнут на это мужчин, женщин, стариков и детей всех слоев общества, особенно же рабочего класса, поскольку зима и холод еще более увеличат его лишения и страдания»².

Несомненный интерес для историка представляют документы, рисующие деятельность таких массовых революционных организаций, какими были пролетарские клубы, сыгравшие активную роль в подготовке июньского восстания и в руководстве им. Из неизданного обзора заседаний клубов, представленного сотрудниками префектуры полиции 22 июня, видно, что в ряде клубов собрания, происходившие 20 и 21 июня, носили бурный характер. На собрании членов «Клуба 2 марта», который в этом обзоре характеризуется как «один из самых опасных», подверглись резкому осуждению меры, принятые правительством в отношении национальных мастерских (подготовка их роспуска). На том же собрании было вы-

¹ «Tous ces gens avouaient qu'ils avaient fusils et munitions, qu'ils étaient en mesure. que la *Garde bourgeoise* ne se battrait pas, qu'elle avait peur; que la ligne en avait assez et se rappelait février». «Les femmes, bien plus violentes que les hommes, assuraient, que la *Garde mobile* était, serait toujours avec les ouvriers; que l'on ferait rien, cette fois, sans les femmes, parce qu'elles étaient lassées de souffrir et d'être exploitées».

² «Encore une fois, si le travail ne reprend pas immédiatement avec l'aide du Gouvernement, si ce n'est pas l'unique et fondamentale pensée de l'assemblée et du pouvoir exécutif, si la garde nationale n'est pas immédiatement réorganisée complètement, la guerre civile et sociale renaîtra plus terrible encore, parce que la faim et la misère y pousseront les hommes, les femmes, les vieillards et les enfans de tous les rangs de la société, et particulièrement ceux de la classe ouvrière dont l'hiver et le froid sont augmenter les privations et la souffrances».

сказано предложение установить налог в размере одного миллиарда с богачей (подобное предложение было внесено, как известно, Барбесом во время демонстрации 15 мая). На собрании в «Клубе народа», на котором присутствовало 800 человек, был зачитан ответ рабочих национальных мастерских на клеветническую речь банкира Гудшо. После этого было оглашено предложение «Социального клуба 5-го округа» созвать делегатов всех клубов на 25 июня в зале Во-Галль для обсуждения проекта объединения клубов в единую организацию. Редактор газеты «Пер-Дюшен» Кольфаврю сообщил, что в Учредительном собрании образовалось два вакантных места; он убеждал присутствующих выбрать на эти места социалистов. Председательствующий (Эскирос) ответил, что по этому вопросу клуб снесется с другими клубами.

Оба описанных собрания происходили 20 июня. В том же полицейском обзоре рассказывается, как проходило 21 июня собрание членов клуба на улице Альбуи — одного из отделов «Общества прав человека». На этом заседании обсуждался и был признан неприемлемым проект конституции, внесенный в Учредительное собрание. В клубе царил сильное возбуждение. Один из ораторов заметил, что надо ускорить организацию. В ответ на это председатель упрекнул оратора, заявив, что об этом нужно молчать, и добавил: «мы организуемся, но об этом не следует говорить (*on s'organise mais il ne faut pas en parler*)»¹.

Можно предположить, что под организацией, о которой шла речь на заседании клуба на улице Альбуи, подразумевалось создание тайных ячеек, подразумевался переход на подпольное положение, вызванный наступлением сил реакции и подготовкой революционных групп к отпору этому наступлению. Значение этого факта весьма велико: ведь секции «Общества прав человека» играли особенно крупную роль в руководстве борьбой июньских повстанцев.

Вопрос о роли революционных клубов в июньские дни освещает до некоторой степени одно неизданное анонимное письмо, адресованное членам следственной комиссии Учредительного собрания. «Ваш докладчик... — пишет автор этого письма, — счел необходимым указать на пагубное влияние клуба Центрального республиканского общества, иначе клуба Бланки, а также клуба Друг народа, основателем и председателем которого был Распайля. Доктрины и тенденции этих клубов были столь опасными, что Национальное собрание своим декретом от 16 мая нашло нужным отдать распоряжение об их закрытии. Эти два клуба, без сомнения, являются главными виновниками различных заговоров и покушений, которые имели место до 23 июня: более трех тысяч человек, которые посещали эти собрания в качестве *простых зрителей*, смогут засвидетельствовать это, если следствие выразит такое желание»².

Не подлежит сомнению, что революционная агитация, которая велась в клубе Бланки и в клубе Распайля, сыграла свою роль в деле идейной подготовки июньского восстания; несомненно и то, что многие члены обоих клубов принимали активное, нередко руководящее участие в этом восстании. Но организующую роль в нем все же в большей степени сыграли секции «Общества прав человека».

Стремясь возможно больше очернить в глазах реакционеров сидевшего в тюрьме Распайля — популярного в массах пролетарского револю-

¹ Archives nationales. C 933, II Dossier. Commission d'enquête. 2520. Cabinet du Préfet de Police. Paris, le 22 juin 1848. Résumé des clubs.

² Archives nationales. C 935. Commission d'enquête. VIII Dossier. 3316. A Messieurs les membres de la Commission d'enquête — renseignements pour servir à éclairer la commission dans son rapport de supplément.

ционерера, беззаветно преданного народу, автор разбираемого документа подчеркивал активность, проявленную председателем клуба «Друзей народа» в событиях 15 мая.

Интересные подробности, относящиеся к кануну июньского восстания — 22 июня, находим в неизданном сообщении инспектора лицея Сент-Барб Герара членам следственной комиссии¹. Как известно, вечером этого дня на площади Пантеона собралось несколько тысяч рабочих национальных мастерских, выразивших свое возмущение распоряжением правительства об отправке большей части рабочих, занятых в этих мастерских, на тяжелые земляные работы в провинцию. Перед собравшимися выступил Луи Пюжоль — лейтенант национальных мастерских, революционный публицист, член бюро клуба Бланки. Герар, бывший очевидцем этой сцены, так ее описывает: «Человек с черной бородой, одетый в коричневый редингот, поднялся на решетку, окружающую Пантеон. Рядом с ним поместились четыре человека, вооруженных факелами, перед ним знамена национальных мастерских и несметная толпа, покрывавшая площадь». Окончание речи Пюжоля Герар излагает в следующих словах: «Народ! Тебя обманывают. Ты лишь переменял тиранов: тираны нынешние еще отвратительнее тех, которых ты прогнал (крики: «да! да! это верно!»). Надо прогнать в свою очередь и их (крики: «да! да!»). Ты должен отомстить им. Чтобы отомстить, народ имеет непобедимое оружие в виде бульжника и баррикад... Народ! Ты сумеешь использовать это оружие. Итак, до завтра, здесь, в 6 часов утра». «Мы будем здесь все! Мы клянемся!» — отвечала толпа.

Приведенный тут отрывок из речи Пюжоля весьма напоминает текст его речи, который обычно приводится в исторической литературе. Новым в этом документе является описание обстановки, в которой проходило это многотысячное собрание. Герар с возмущением указывает, что власти, хорошо осведомленные об этом происшествии, не приняли никаких мер, чтобы помешать рабочим собраться на том же месте в назначенное время, что площадь не была занята войсками и повстанцы смогли поэтому беспрепятственно построить несколько баррикад. Подобные упреки по адресу властей встречаются в документах — как печатных, так и рукописных — очень часто. В этих упреках есть доля правды. Действительно, в первый момент власти растерялись, не успели сконцентрировать все вооруженные силы для подавления восстания, которое сразу же приняло широкий размах. Известную роль в первоначальной медлительности военного командования играла, повидимому, провокационная тактика Кавеньяка, рассчитанная на то, чтобы дать восстанию разрастись, а затем, стянув все войска и обеспечив огромный перевес, разгромить восставших рабочих, потопить их выступление в море крови. Этой тактики не понимали и не одобряли многие депутаты Учредительного собрания и командиры частей национальной гвардии, перепуганные насмерть развитием событий, дрожавшие за свои лавки, мастерские, конторы, дома.

Июньское восстание раскололо Париж на два непримиримо враждебных лагеря — лагерь пролетариата и лагерь буржуазии, лагерь революции и лагерь контрреволюции. Страх, который вызвал среди имущих классов взрыв июньского восстания, ясно чувствуется в документах эпохи, в воспоминаниях современников (например, в мемуарах Токвиля). Приведем здесь один характерный в этом смысле документ. Это — записка вице-председателя Учредительного собрания Порталиса на имя предсе-

¹ Archives nationales. C 935. VIII Dossier. Commission d'enquête. 3462. M. Guerard, préfet des études à S-te Barbe.

дателя того же Собрания Сенара, датированная 25 июня¹. Ссылаясь на сообщение депутата Бертрана из Монпелье, Порталис указывает, что на улице Севр, возле бульваров и у домов, видны «группы подозрительных людей». «Не следует пренебрегать этим сообщением,— подчеркивает Порталис,— тем более, что улица Севр населена многочисленным, бедным и недовольным людом и что она находится на малом расстоянии от здания Собрания»².

Все характерно в этом документе: и указание на близость улицы Севр к Бурбонскому дворцу, и констатация того факта, что ее жители — бедняки, пролетарии. И хотя дело происходило в тот момент, когда восстание уже шло к концу, и хотя в упомянутом квартале не было баррикад, страх перед возможностью распространения восстания и на этот район побуждал Порталиса бить тревогу. В своей записке он рекомендует установить одну пушку со стороны улицы Бургонь или со стороны улицы Гро-Кайю, указывая при этом, что через эти два пункта можно прорваться к зданию Бурбонского дворца. Одновременно автор записки советует направить сильное подкрепление караульному посту национальной гвардии в конце улицы Севр (при выходе ее на бульвар) и указывает, что этот пост «состоит в настоящий момент только из 50 человек».

Трудящиеся всех районов Парижа, передовые рабочие и демократы всей Франции и других стран были душой и сердцем с июньскими инсургентами. Реакционеры всех стран готовы были поддержать французскую контрреволюцию в борьбе против восставшего пролетариата. Об этом свидетельствует, например, неизданное обращение командующего «легионом Пия IX», итальянского офицера Бернабо, к членам Исполнительной комиссии, датированное 23 июня. Предлагая свои услуги французскому правительству для борьбы с рабочим восстанием, Бернабо заявлял, что он может в несколько часов выставить отряд в 4 тыс. человек, частично вооруженных, но не имеющих снарядов³.

Что представлял собой «легион Пия IX», мы в точности не знаем. Тот факт, что письмо написано на бланке «Центрального итальянского демократического комитета» (Comité central démocratique italien) и что автор письма заявляет о своей готовности «защищать республику», не означает, что легион этот был действительно демократическим по духу. Кто только ни клялся в то время именем республики! Даже самые заядлые реакционеры выдавали себя тогда за убежденных республиканцев. Готовность итальянских легионеров выступить с оружием в руках против восстания парижских рабочих достаточно ясно говорит о буржуазной, реакционной сущности этого легиона. О том же свидетельствует его наименование: к лету 1848 г. истинное лицо папы Пия IX, как одного из душителей революционного движения народных масс, стало очевидным для всех современников.

* * *

В заключение рассмотрим несколько документов, рисующих настроения имущих классов после подавления восстания. Эти настроения можно охарактеризовать двумя словами: острая тревога.

¹ Archives nationales. C 935. Commission d'enquête. 2872. Portalis. 25 juin 1848. Citoyen Senart Président de l'Assemblée. Urgente.

² «C'est un avis qu'il ne faut pas négliger, d'autant que la rue de Sèvres est habitée par un peuple nombreux, pauvre et mécontent, et que c'est fort peu éloigné de l'enceinte de l'Assemblée».

³ Archives nationales. C 934. II Dossier. Commission d'enquête. 2483. Paris le 23 juin 1848. Comité central démocratique italien. Bernabo.

Показательна в этом отношении записка, представленная депутатом Дагирелем (H. Dahirel) в первые дни после восстания. Ссылаясь на наблюдения, сделанные депутатом Мовэ, Дагирель сообщает, что в X и XI округах разоружение национальной гвардии осуществляется. «Иначе,— пишет он,— обстоит дело в XII округе... XII округ умиротворен только временно. Если прекратить его военную оккупацию, баррикады тотчас же будут снова воздвигнуты там. Г. Мовэ указывает, что там идет стрельба по всем мелким отрядам, циркулирующим по улицам»¹. Дагирель добавляет, что «добрые граждане» (читай: буржуа) этого округа требуют разоружения всего XII легиона, изъятия оружия у жителей путем массовых обысков.

Такая мера действительно была проведена, притом не только в XII округе (Пантеон), являвшемся одним из главных очагов вооруженной борьбы в июньские дни, но и в других округах Парижа.

В исторической литературе приведено немало примеров той неутолимой жажды репрессий, которая охватила имущие классы после разгрома июньского восстания. Вот еще один неизданный документ, посвященный тому же вопросу. Автор этого анонимного документа, датированного 27 июня,— «бывший чиновник» (так он подписался) — требует от председателя Учредительного собрания принятия самых «твердых, решительных мер»: «смертной казни для убийц и главных вожаков, немедленной высылки мятежников, захваченных на месте, издания строжайших превентивных декретов, строгого надзора за прессой, закрытия всех политических клубов»².

Надо, заявляет автор данной записки, объявить войну *принципам*, которые широко пропагандировались в рабочей среде со времени февральской революции и вызвали «эту ужасную трагедию». В своем контрреволюционном неистовстве «бывший чиновник» доходит до того, что требует закрытия не только демократических газет «Реформа» и «Народ — учредитель», но и близкой к Кавеньяку газеты «Насьональ». «Вспомните,— пишет он,— что говорили вам делегаты мятежников, а именно, что они читают все мелкие газеты (которые им раздают даром)».

Требую закрытия клубов, автор этого документа называет их «школой мятежа, анархии и коммунизма». «Вся Франция, вся Европа», утверждает он, требует настойчивой борьбы с «анархическими принципами». Если не будет проявлена должная твердость, заявляет он, то «завтра, может быть, заговорят о смягчающих обстоятельствах, через восемь дней их (инсургентов.— А. М.) будут оправдывать, а через три недели все начнется сызнава». Страх, животный страх перед побежденными, но все же грозными блузниками доходил до самых диких размеров, проявлялся в самых нелепых формах, приводил зачастую к панике.

* * *

Неизданные исторические документы, приведенные в этой статье, составляют лишь малую часть того обширного материала, который имеется по этому вопросу во французских архивах. Как ни различны по своему содержанию и по своему значению эти документы, все они дают дополнительные данные и новые детали об одной из крупнейших революционных битв рабочего класса Франции, авангардная роль которого издавна проявлялась в истории свободолюбивого французского народа и нашла весьма яркое выражение в событиях революции 1848 г.

¹ Archives nationales. C 935. Commission d'enquête. 2826. H. Dahirel.

² Archives nationales. C 935. VIII Dossier. Commission d'enquête. 3362. Un ancien fonctionnaire. 27 juin 1848.